

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**ВОСЕМЬ ЛЕТ
ДО ВЕСНЫ**

Владимир Григорьевич Колычев
Восемь лет до весны
Серия «Колычев. Лучшая
криминальная драма»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51807160

Восемь лет до весны / Владимир Колычев.: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-110467-2

Аннотация

Было у отца четыре сына. Трое – точные его копии, такие же отпетые бандиты. А младший, Леня, словно не родной, тянется к учебе и хозяйству. Но суровые времена не терпят послабжек. Привлек отец к криминальному промыслу и младшего сына. На первом же деле получил Леня тяжелое ранение и впал в кому. А как поправился – словно все перевернулось в его сознании. В одночасье из тихого парня стал Леня крутым и беспощадным братком: надо – зарвавшегося авторитета прикончит, надо – конкурентов на место поставит, надо – порядок на зоне наведет. Только в одном оказался Леня бессилён: не сумел вовремя распознать женское коварство. А за подобные ошибки нужно платить по-крупному...

Содержание

Часть первая	4
Эпилог вместо пролога	4
Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	49
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Владимир Колычев

Восемь лет до весны

Часть первая

Эпилог вместо пролога

За окном на ярком солнце разгорался новый день, ветер носил от дерева к дереву пыльцу, семена и запах жизни. А в больничной палате, в сумерках вчерашнего дня, блуждала смерть, пахло тоской и безнадеей.

На высокой койке под капельницей лежал молодой мужчина со следами побоев на лице и с перевязанной грудью. Он рассеянно смотрел в пустоту перед собой. В холодных глазах теплилась мудрость старика, насытившегося жизнью. Леониду Сермягову не было и тридцати, но смерть его уже давно не пугала.

Рядом сидел остроносый мужчина в сером костюме. На колене у него лежала кожаная папка. Он нервно постукивал по ней кончиком авторучки.

– Леонид Игоревич, ну зачем же отрицать очевидное? Признайтесь, что убийство – дело рук вашего брата, и мы снимем с вас обвинения.

– Мой брат никого не убивал.

– Вашему брату уже все равно.

– Все равно. Как и другим братьям. Да и отцу. Я всегда был для них гадким утенком. Но это моя семья. Я никогда никого не сдам. Даже если всем будет все равно.

– Вашему брату все равно прежде всего потому, что он уже мертв.

– Все будут мертвы. Мои братья умрут. Если отец не оставит их.

Взгляд больного остановился, как это бывает с человеком, который теряет связь с реальностью, погружается в бредовое состояние.

– Может быть, нужно остановить отца? – спросил следователь.

– Я никогда не любил его. Но это мой отец.

– Ваш отец – преступник, и вы прекрасно это знаете.

– Все так думают. Но толком никому ничего не известно.

Может быть, я расскажу.

Молодой человек закрыл глаза, его губы тихонько зашевелились. Следователь пожал плечами. Он прекрасно понимал, что услышит далеко не все, но все-таки не удержался, поднес ухо. Интерес взял свое. Леонид Сермягов – личность бесславная, но по-своему знаменитая.

Глава 1

В нашей большой семье существовал только один закон – слово отца, с которого начинался каждый день.

Горячая каша уже разошлась по тарелкам. Она была с дымком, но без масла. Оно у нас подавалось отдельно. Добавка не полагалась никому, поэтому мама уже убрала кастрюлю со стола. Она унесла эту посудину, вернулась и робко глянула на отца. Ее пальцы теребили нижнюю пуговицу старой растянутой кофты с оттопыренными карманами. В одном из них лежал платок, в другом гнездилась всякая всячина вплоть до мусора, который мама мимоходом подбирала за нами.

Дом небольшой, а ртов много – отец, мать и четыре сына. Со всех что-то сыплется. Виталик, например, третьего дня патрон от «нагана» потерял. Мама подобрала его, механически сунула в карман, и только вчера у нее возник вопрос. Отец все объяснил ей. Мама в ответ лишь тихонько вздохнула.

Отец кивнул, хмуро глянул на маму, одной рукой отодвинул стул и приподнял руку, чтобы стукнуть ложкой по миске. Он обвел взглядом нас, своих сыновей, вспомнил о любимице-дочери, которая жила с мужем в другом городе.

– Жизнь нужно прожить так, чтобы люди вспоминали о тебе, уже покойнике, только хорошо, – сказал он, тяжело, с

расстановкой, четко проговаривая слова. – А день – так, чтобы на ужин была пища. – Отец замолчал, угрюмо, с явным укором глянул на меня и наконец-то стукнул по миске ложкой.

Смотрел на меня и Валера. При этом он положил в свою тарелку кусочек масла. Больше никто из нас так не делал. Все остальные мазали его на хлеб. В последнее время наша семья жила неплохо. Мы могли бы позволить себе и куда более сытный стол, но у отца имелись свои правила.

Увеличивая свою пайку, ты привыкаешь к хорошей жизни, а плохая может наступить уже завтра. Тогда тебе придется перекраиваться, приспособливаться. Поэтому лучше довольствоваться малым. Так говорил отец.

Я не хотел соглашаться с ним, но мое мнение в семье никого не интересовало. Во-первых, я младший, а во-вторых, отец не очень-то жаловал меня.

Виталик, Валера и Санька внешне отличались друг от друга, но при этом все в какой-то степени походило на отца. Я же уродился весь в мать. Тот же овал лица, высокие прямые скулы, правильный нос. От отца мне досталось только упрямство.

Но не сила. Отец своими ручищами мог согнуть толстый арматурный прут. Мои старшие братья были ему под стать, такие же кряжистые, крепкие. Я семью жилами в руках похвастаться не мог, но так это и неудивительно. Мне тогда было всего-навсего четырнадцать лет.

Юлька тоже похожа была на мать, такая же красивая и статная, но отца это ничуть не смущало. Он точно знал, что Юля его дочь. А вот я появился на свет уже после того, как ему пришлось сесть за ограбление. По срокам я вроде бы и мог родиться от него, но отец так и не поверил маме до конца. Ко мне он относился с недоверием, как будто я был в чем-то перед ним виноват.

Отец учил нас, что жить нужно сегодняшним днем, но при этом думать об ужине, зарабатывать на красивое будущее в меру своих возможностей и способностей. Насчет возможностей дело обстояло по-разному, зато способности росли вместе с братьями. Старшему Виталику двадцать, Валерке – девятнадцать, Санька на год младше. Все как на подбор крепкие, внушительные, таким на улице на хлебушек не подадут.

Именно попрошайничеством наша семья и зарабатывала себе на жизнь. Мы нищенствовали, пока отец отбывал срок. Братья бродили по перрону, по вагонам, кланчили милостыню. Я тоже участвовал в этом. Сначала братья носили меня на руках, затем водили за ручку. Еще они научили меня хромать, тянуть ножку, и народ велся, одаривал калеку денежкой на пропитание.

Милиция нас гоняла не сильно. Куда серьезней нам доставалось от многочисленных конкурентов. Советский Союз разваливался, деньги обесценивались, народ беднел. Зато у людей появилась свобода выбора. Теперь каждый человек

сам решал, что ему протянуть, руку или ноги.

Свое место на паперти моим старшим братьям приходилось удерживать с боем. Давать отпор взрослым «инвалидам» – дело непростое. Но парни с каждым годом становились и сильнее, и опытней.

К тому времени, когда отец вернулся домой, они уже крепко стояли на ногах, сами клянчили подавание и меня заставляли, даже в школу два года не отдавали, чтобы я не прогуливал работу. Однако мама настояла на своем. В девять лет я пошел в первый класс и отказался попрошайничать, за что был избит братьями. Уговорить они меня не смогли, напротив, я еще крепче закусил удила.

Упрямство – отличительная черта моего характера. Со временем к нему добавилась еще и гордость. Я искренне считал, что ходить с протянутой рукой унизительно, и никто не мог переубедить меня в этом.

Впрочем, Виталик очень быстро нашел мне замену. Со временем их выводок малолетних попрошаек увеличился, а там и отец заявился. Он быстро взял общее дело в свои руки, еще больше сплотил семью и выбил с вокзала всех конкурентов. Сейчас там работали только наши попрошайки. А если вдруг возникали проблемы, то Виталик, Валерка и Санька их решали. Опыт по этой части у них был уже большой. Да и ствол появился. Не зря же мама на днях нашла патрон.

А вчера ночью она тихонько плакала на кухне. Я слышал это, но не подошел к ней, не хотел, чтобы братья лишний раз

назвали меня маменькиным сыночком.

Завтрак скоро закончится, отец и братья отправятся на дело, а я останусь дома. В огороде работы много, да и дом красить нужно. Мама сама со всем не справляется, здоровье у нее не ахти, быстро выдыхается. Шутка ли, пятерых детей выносить да вырастить. Женщина хрупкая, постоянно на нервах. То сыновья что-нибудь учудят, то мужу вожжа под хвост попадет. Отец когда выпьет, злым становится. От него любому достаться может, кто под горячую руку подвернется. Одну только Юльку он никогда не обижал. На маму мог руку поднять, а на нее – ни за что.

Говорить за столом позволялось только отцу. Все мы молчали. Слышно было только, как ложки по мискам стучат. Отец ел не быстро, но и не медленно, иной раз причмокивал, чай пил шумно, смачно выдыхал после каждого глотка.

Он учил нас, что есть нужно основательно, сосредоточенно и без жадности. Интеллигентский этикет к черту, ложку мимо рта не проносить. Нельзя ни единой крошке упасть, ни одной капле пролиться. К самой еде нужно относиться с уважением, но без дикого восторга, даже если очень голоден. От отца отставать нельзя, а то можно и не наесться досыта.

Кашу мы съели, чай выпили. Отец отставил в сторону пустую кружку, рукавом вытер губы. Все, завтрак закончен, кто не успел, тот опоздал. Впрочем, успели все. Отцу надо бы дрессировщиком в цирке работать.

– Ну что, свистать всех наверх? – спросил он, пристально

глядя на меня.

Отец еще не поднялся из-за стола. Все должны были сидеть и ждать. Закон суров, но это закон.

Он обращался ко мне, но это совсем не значило, что я должен был отвечать ему. Мое дело – молча слушать и ждать его распоряжения.

– С нами поедешь, – сказал отец.

Мама поднялась из-за стола робко, нерешительно, и все же в ее движениях присутствовал протест. Знала она, чем занимается ее муж и сыновья, но терпела, пока отец не трогал меня. А тут вдруг ворон своим крылом снова коснулся моего плеча.

Но возмущение в бунт не перешло. Отец пресек его резким, сердитым взглядом. Вся решимость вышла из мамы, как воздух из шарика, на который кто-то надавил ногой. Она еще и голову опустила, исподлобья, с надеждой глянула на меня. Как будто я мог и даже должен был сказать отцу «нет».

Я кивнул, соглашаясь с отцом. Мамина голова опустилась еще ниже, но что я мог сделать? Против отца не попрешь. И он будет волком смотреть, и братья затравят. Они и без того были не самого лучшего мнения обо мне, смотрели на меня все как один, предвкушали забаву.

Отец сейчас запросто мог отпустить в мой адрес что-нибудь забористое, но на этот раз оставил свои комментарии при себе. Он кивнул, принимая мое решение, выразительно глянул на Виталика и наконец-то поднялся из-за стола.

С шумом упал стул. Это вскочил Санька. Он мало чем отличался от старших братьев, был такой же круглолицый, щекастый, широконосый. Только вот ушки у него поменьше, чем у других, но очень уж толстые и мясистые, как будто из теста вылеплены.

Виталик поднимался из-за стола так же медленно и степенно, как и отец. Он начальственно глянул на меня и кивком показал на старенький, но вполне приличный на вид «БМВ», стоявший за окном и призванный подчеркивать новый статус нашей семьи. Это и роскошь, и средство передвижения.

Машину водили все, а мыл ее только я. Каждый вечер за тряпку, сначала изнутри, потом снаружи. Мне и презервативы использованные приходилось из-под сиденья доставать, и запекшуюся кровь смывать, а вот в пассажиры меня брали редко. Я же отрезанный ломоть, маменькин сынок.

Честно говоря, на дело я особо не рвался, но все равно прежде чувствовал обиду. Однако сегодня мне оказана честь, и я не должен ударить в грязь лицом. Если, конечно, отец и братья не станут заставлять меня ходить с протянутой рукой. На это я не пойду, надо будет, убегу из дома, но ниже плинтуса себя не опущу.

Сегодня мне тоже придется мыть машину, но уже потом, когда я вернусь домой вместе со всеми. Где я буду находиться, что мне придется делать, пока не ясно. Но в любом случае приятного будет мало. Возможно, отец и братья втянут

меня в какие-то серьезные разборки. А раз так, то старый кнопочный нож с выкидным лезвием вряд ли мне помешает. Он лежал у меня под матрасом, я брал его с собой всякий раз, когда выходил на улицу погулять. С ножом спокойней.

У машины меня уже поджидал Санька. Он прикрутил клемму аккумулятора, закрыл капот, взял ветошь, с важным видом протер один испачканный палец, другой и после этого врезал мне кулаком в живот. К счастью, неожиданностью это для меня не стало.

Отец не учил нас драться, но дровишки в огонь подбрасывал. Он заставлял сыновей всегда держаться настороже, быть готовыми к действию. Я знал, что могу получить удар в любой момент. Сама жизнь тренировала мою реакцию. Я давно уже привык подкачивать мышцы живота, на одно только это затрачивал никак не меньше часа в день.

Санька подкараулил меня на вдохе. Я вовремя затаил дух и напряг пресс, а вот в ответ ударить не посмел. Санька мог не понять юмора, а если он разозлится, то мне придется туго. Уж очень твердые у него кулаки.

– Молоток! – сказал Санька, одобрительно улыбнулся и даже открыл заднюю дверь, приглашая меня в машину.

Я кивнул, наклонился, чтобы просунуть голову в салон. В этот момент Санька и поймал меня врасплох. На этот раз я весь скрутился от боли. Хорошо, что корчиться мне пришлось не на земле, а на кожаной мякоти заднего сиденья.

Я еще не отошел от этой жути, когда появился отец. Он бросил на меня взгляд, все понял, но ничего не сказал, только усмехнулся уголками губ. Но это не показалось мне обидным. Отец повел бы себя точно так же, если бы на моем месте корчился сейчас Санька. Но пока до этого было далеко. Может, мне уже хватало упрямства и гордости, но вот агрессии пока точно недоставало. Как и смелости, готовности бросить вызов противнику, который был заведомо сильнее меня.

До железнодорожного вокзала мы ехали в тишине. По пути я вспоминал, как ходил этой дорогой пешком, сотни раз, в жару и холод. Раньше я всего лишь попрошайничал, весь в соплях и слезах. Что же ждет меня сейчас? Вдруг мне уже сегодня придется умыться кровавой юшкой?

Но неважно, что будет впереди. Я в любом случае не имел права на трусость. Особенно, если будет задета честь моей семьи. Неважно, чем занимаются мой отец и братья. Ведь мне на роду написано быть с ними.

Санька остановил машину недалеко от вокзала, у маленького дощатого павильона, в котором размещалось кафе. Кухня, небольшой зал на три столика, открытая веранда примерно такой же вместительности. Утром кафе утопало в тени большого раскидистого вяза, к полудню здесь уже будет солнечно, а веранда, оплетенная виноградом, так и останется в прохладной полутьме.

Я хорошо знал это место, помнил, как рвался сюда за со-

сиской в тесте, а зимой согревался стаканом горячего чая. Однажды Виталик заставил меня выпить тут стакан водки. Братья меня тогда едва откачали.

В те времена я еще не знал, что это заведение станет резиденцией отца. Место тихое, уединенное. Неподалеку работало новое кафе, поэтому случайные люди сюда редко заглядывали. Здесь только для своих. Для меня в том числе.

Я всерьез подозревал, что после фирменного семейного завтрака отец и братья подкрепляются тут, совсем не прочь был подзаправиться сосиской в тесте и выпить кофе с сигаретой. Но в кафе меня никто не позвал. Отец и Валера вышли из машины, а Санька повез меня и Виталика дальше.

– Куда мы? – спросил я.

В ответ Виталик лишь небрежно приложил к губам палец. Он сейчас был такой же крутой, как отец, не давал мне слова и приказал молчать. Дескать, я сам все тебе скажу, когда придет время.

Сразу за вокзальной площадью высился старый пятиэтажный дом с навесными балкончиками. Во двор этого дома Санька нас и привез. «БМВ» он подогнал к самому подъезду, едва не подпер бампером входную дверь. О жильцах дома, которые теперь вынуждены были протискиваться между машиной и скамейкой, Санька не думал.

Мои братья вели себя под стать хозяевам жизни, держались важно, заносчиво, потому как право имели. Во всяком случае, они всерьез так считали. Что и говорить, выглядели

эти парни внушительно. Оба в кожаных жилетках, у одного зеленые, у другого коричневые джинсы и ботинки с тупыми дубовыми носками. Такими зуб выбить с одного удара, как дважды два.

Я тоже мог махать ногами, но мои башмаки просили каши, а старые заношенные джинсы пожелтели от времени. Рубашка и вовсе была курам на смех.

Впрочем, женщина, которая открыла нам дверь, не осудила меня за мой убогий вид. Может, потому, что сама выглядела неважно. Волосы, выжженные перекисью, слиплись и спутались, под глазами темные обводки, на щеках засохшая тушь. Ее нижняя губа лежала на подбородке. То ли она распухла от чего-то и вывернулась, то ли эта особа такой вот манерой встречала не очень желанных гостей. Губы пухлые, длинные, рот нелепо большой. Дрянной фланелевый халат на ней. Его лацканы едва сходились на пышной груди.

Она открыла дверь и глянула на меня с каким-то затравленным пренебрежением. При этом я заметил в ее глазах какую-то добровольную обреченность. Я все свое детство провел на вокзале и знал, как выглядят шлюхи, готовые за копеечку лечь хоть под паровоз. Похоже, эта штучка была из той же серии портовых шлюпок или вокзальных дрезин.

Женщина имела более чем затасканный вид. Черты ее лица, некогда красивого, уже размывались вином, водкой, а то и чем-то покрепче. Она осознавала свою ущербность, наверное, потому и смотрела на меня со дна жизни, хотя и сверху

вниз.

При первом же взгляде на нее у меня возникло чувство, что я ее где-то видел. Высокий лоб, густые, красивой формы брови, волнующая линия носа – все это казалось мне знакомым. Вряд ли эта потаскуха являлась мне в моих эротических снах.

– Уже мелкоту ко мне водите? – спросила она и глянула на меня с блудливой усмешкой.

Эта неземная краса мигом угадала свою выгоду. Куда лучше ублажить чистого мальчика, нежели грязного мужлана.

Женщина широко распахнула дверь и сдала немного назад, но Санька все же толкнул ее в плечо, требуя подвинуться.

– Ленька это, наш младшенький, – пояснил он, заглядывая в комнату.

Виталик ничего не сказал.

Он просто развел полы ее халата, с хитромудрой улыбкой глянул на обнажившуюся грудь и спросил:

– Не тесно? – Брат удивленно глянул на меня и заявил: – Ну чего ты встал тут как истукан? Дверь закрой!

Я кивнул, переступил через порог, взялся за дверную ручку. В это время Санька открыл окно. Порыв сквозняка ударил в дверь, и она с силой захлопнулась. Все бы ничего, но от удара ключ выскочил из скважины и стукнулся о пол. Шлюха усмехнулась, глянула на меня, как на безрукого ушлепка. Она как будто и не замечала, что Виталик стаскивал с нее

халат.

Поднимая с пола ключ, я открыл для себя вид снизу. Женщина казалась мне худенькой, но живот явно не соответствовал ее комплекции. Его надула водянка или беременность. Еще я заметил следы от уколов на ее локтевых сгибах. Беременная шлюха-наркоманка. Ну что ж, вокзальное дно и не такое видало. Да и мне в общем-то не в диковинку.

Из комнаты в тесную прихожую вышел Санька, презрительно глянул на шлюху, кивком показал за плечо и спросил:

– А чего у тебя не убрано?

– Сейчас уберем, – заявил Виталик и усмехнулся.

Взгляд у него замаслился, заблестел, дыхание участилось. Он протолкнул шлюху мимо Саньки и закрылся с ней в комнате. Нетрудно было догадаться, чем он там собрался с ней заняться.

Я и сам заколотился изнутри, где-то стало жарко, где-то твердо, а внизу живота все это слилось в одно. Грязная затасканная шлюха возбудила меня до неприличия. Мое сознание стекло в область животных чувств, и я ничего не мог с собой поделать.

– Хочешь? – спросил Санька, кивком показав на закрытую дверь.

Слова застряли у меня в горле, а кивнуть я боялся. Одно неосторожное движение могло взорвать меня изнутри. Во всяком случае, я чувствовал такую опасность.

– Хочешь, – заявил Санька, глумливо хмыкнул и прошел

на кухню.

Я шагнул туда следом за ним.

Там было грязно, на столе засохла всякая мерзость, на полу пепел, банка из-под кофе забита окурками, в мойке громоздилась посуда.

– Ты уберешься тут? – спросил Санька, в упор глядя на меня.

Голая шлюха вывела меня из душевного равновесия, а братец мог добавить. Если Санька хотел ударить меня в живот, то лучшего случая и не придумаешь. Но бить меня он не стал.

– Нет, – зло, сквозь зубы процедил я.

Да, я в своей семье как прокаженный. Сомнительные дела меня не прельщали, в школе я делал успехи, маму любил больше, чем отца, помогал ей по мере сил и возможностей. Но это же не значит, что меня можно макать в грязь лицом.

– Нет?

– Нет!

Санька мог жестоко меня избить прямо на месте. Я это понимал, но уступать ему не собирался. Лучше ходить с выбитыми зубами, чем убираться за какой-то шлюхой.

– Тогда Дуську заставь это сделать.

– Дуську?

Теперь я знал, как зовут эту возбуждающую грязь.

– Скоро клиенты пойдут. На хате должно быть чисто. – Санька достал из кармана пачку сигарет, встряхнул, протя-

нул мне.

Я взял сигарету и шлепнул себя по карманам, давая понять, что ни спичек у меня нет, ни зажигалки.

– Много мы за нее не просим, пять долларов за раз, десятку за час. За день столтник снимаем. А ей только пожрать и дозу на ночь, чтобы от ломки не сдохла.

Санька подал мне блестящую облатку. Я не сразу понял, что это такое, и поднес к ней кончик сигареты, собираясь от нее прикурить.

Санька засмеялся, протянул мне зажигалку и заявил:

– Дурень! Без этой штуки к Дуське не ходи. Сечешь?

Конечно же, я понимал, о чем шла речь, и даже знал, как этой штукой пользоваться. Нет там ничего сложного. Наверное. В гости к Дуське зайти смог бы. У других же это как-то получалось. Виталик вполне сумел, если судить по стонам, которые доносились из комнаты.

Только вот не должен я был идти в гости. Скотство это. Все то, чем занимались мои старшие братья.

– Она же беременная! – заявил я, наконец-то закурил и вернул брату зажигалку.

– И что? – Санька удивленно повел бровью.

– Нельзя, когда баба беременна!

– А ты что, акушерка?

– Я человек!

– Кто человек?! Ты?! – Санька скривился. – Ты никто!

Плюнуть и растереть!

Его ударила моя уязвленная гордость, но разум отказался ее поддержать. Поэтому Санька даже не пошатнулся, когда я сунул сигарету в банку из-под кофе и врезал ему кулаком в челюсть. А на второй удар мне уже не хватило духу.

– Что это было? – спросил он и потер челюсть ладонью.

Его глаза наливались кровью, а лицо – краской.

– Я не плевок!

– Да? Тогда живи. Я тебя прощаю! – Сашка заставил себя улыбнуться.

Не захотел он обострять ситуацию, неважно, из нахлынувшего вдруг великодушия или в интересах дела. Все-таки жилой дом, за стенами соседи. Они слишком много слышат.

Сашка сунул мне в нагрудный карман квадратик из цветной фольги, задорно подмигнул и вдруг ударил меня кулаком в живот. Я разгадал его коварство за мгновение до атаки, остановил дыхание и напряг пресс. И все же приятного было мало. Сила удара опустила меня на табуретку, стоявшую за столом.

– Короче, наведете здесь с Дуськой марафет, а через час я подъеду, работу привезу. Можешь вместе с ней подставляться или просто вокруг ходить и присматривать. Клиенты разные бывают. Если вдруг псина какая-то попадется, то сразу к нам, бегом. Мы подъедем, разберемся.

Санька объяснил мне мою задачу, дождался, когда Виталик закончил, и ушел вместе с ним.

Я не должен был убираться на кухне, но мне почему-то

стало жаль Дуську. И наркоманка, и беременная, а еще мужиков через свое надутое пузо должна пропускать. Тем более что я, не в пример своим непутевым братьям, не считал домашний труд зазорным.

К тому моменту как в кухне появилась Дуська, я перемыл всю посуду. Она вышла ко мне в небрежно запахнутом халате, с дымящейся сигаретой в руке.

– Мой мальчик решил порадовать свою мамочку? – съязвила эта шлюха и вывела меня из себя.

Я резко развернулся к ней, хищно оскалил зубы и заявил:

– Заткнись!

Вышло у меня убедительно. Дуська испуганно шарахнулась в сторону.

А я надвинулся на нее и едва ли не выкрикнул:

– Маму мою не тронь, поняла?!

– Да поняла, – сказала она и с удивлением посмотрела на меня.

– Дрянь!

– Эй-эй, малый! – Дуська возмущенно затянулась и выдула дым мне в лицо.

– О ребенке бы подумала!

– Чего?!

Эта проститутка глянула на меня так, как будто я признался ей в своем веземном происхождении. Только гуманоид, спустившийся с небес, мог проявить о ней заботу.

– Того!.. Давай, занимайся тут!

Я взял тряпку, но не швырнул ее, как мне хотелось, а вложил бабе в руку. Однако Дуська разжала пальцы, и тряпка упала на пол.

– Эй, я не для того здесь! – заявила эта дрянь.

– Без дозы остаться хочешь? – осведомился я.

– Эй, а кто ты такой? – с беспокойством спросила она.

С каждым словом ее возмущение спадало, а голос разума нарастал. Я же брат Виталика и приставлен за ней смотреть. Значит, мое слово могло оставить ее без сладкого.

– Да я-то нормальный, а ты загадила здесь все, как последняя скотина!

– А я последняя? – без возмущения, как будто у себя самой спросила она.

– Нет, первая!

– Ну, не первая. – Дуська кивнула, подняла с пола тряпку, посмотрела на стол, который нужно было протереть, потом на меня. – Может, ты сам?

Я мотнул головой, и отказывая ей, и утверждая себя в своем решении.

– А я бы тебя за это отблагодарила! – Она облизнула губы, бросила тряпку на стол, соблазненно глянула на меня и расстегнула пуговицу на груди.

Я ощутил стремительное движение, с которым во мне отрастала третья нога.

Еще немного, и я смог бы опереться на эту ногу и зайти на ней в гости к Дуське. За дозу она сделает все, что мне угодно.

Но я же не сволоочь, чтобы воспользоваться ее бедой.

– Работай давай! – крикнул я, оттолкнул Дуську и рванул в прихожую.

Я бежал не столько от нее, сколько от себя, но уйти из квартиры не смог.

Открыв дверь, я увидел на лестнице двух типов опасной наружности, которые направлялись ко мне. Один рослый и мощный, другой пониже и худощавый, но пугающего в них было примерно поровну. Тяжелые хищные взгляды, в движениях спокойная агрессия. Тот, который пониже, перебирал в пальцах четки, на его фалангах красовались перстни.

Я кое-что понимал в тюремной живописи, но сейчас просто не имел времени на то, чтобы разглядывать наколки. Мне казалось, будто на меня надвигалась штормовая волна, от которой нужно спастись бегством. Но я же не трус и тем более не паникер.

Я просто стоял как истукан под грозовой тучей, из которой вылетали молнии. Если вдруг хлынет дождь, то мне ничего не останется, кроме как обтекать.

– Дуська здесь? – спросил худощавый субъект с четками, обнажая во рту золотую фикса.

– Здесь, – сказал я, отступая.

Конечно же, это клиенты нагрянули. Санька не смог сопроводить их лично, но адресок дал. А тут я на хозяйстве, и гостей приму, и плату сниму.

– А ты, значит, козочку пасешь, да? – спросил фиксатый

тип и пристально посмотрел на меня.

Он шел, практически не замедляя ход. Его глаза похожи были на шаровые молнии, которые могли сжечь меня дотла. Я пятился, пока не оказался в комнате, у разобранного дивана со смятой постелью.

– Или ты петушок?

Отец учил, что за такие слова спрашивать надо с кого угодно, без всяких предисловий, но я всего лишь мотнул головой и волчонком глянул на этого субъекта. Он казался мне настоящим монстром, одолеть которого невозможно.

А в комнату входил еще один фрукт с такими же наколками на пальцах.

Сначала он просто втолкнул в дверь Дуську, затем нагнал ее, схватил за шею и спросил своего друга:

– Ну что, распишем на двоих?

– А с пряничком не хочешь? – Фиксатый гад кивком показал на меня.

– Так мы же с тобой не на зоне.

Здоровяк улыбнулся, вроде бы принимая шутку, но глянул на него с подозрением. Вдруг у кента дурные наклонности?

Видимо, тот уловил намек, поэтому переключился с меня на Дуську.

– Ну, здравствуй, сука! – заявил он, ощерился и вдруг кулаком ударил проститутку в живот.

А она беременная!

Я всего лишь представил, как ей больно, и рука моя нырнула в задний карман.

Боль скрутила Дуську в бараний рог. Она легла на пол, подобрала под себя ноги, закрыла живот руками, и стонала она тихо-тихо, как будто боялась привлечь к себе внимание.

– Думала, забуду, не найду тебя, да?

Фиксатый мерзавец оттянул ногу, задержал ее на мгновение и ударил.

А я выхватил нож и выпустил лезвие.

Услышав щелчок, этот гад вздрогнул, резко повернулся ко мне, но не увидел никакой опасности, успокоился и усмехнулся. А я стоял как дурак, не зная, что делать. Не мог я ударить его ножом, рука не поднималась.

– Ну и чего стоишь, прыщ! Давай, бей! – заявил он.

Его хищный насмешливой взгляд давил на мою волю, на психику. Мне было страшно, но руку, в которой держал нож, я не опустил.

– Не можешь, стало быть, да? А я могу!

Он сунул руку под штанину, вынул нож с деревянной ручкой и шагнул ко мне. Страх парализовал меня.

В моем сознании билась спасительная мысль: «Он не посмеет! Мне же всего четырнадцать. Погорячился я по детской глупости, с кем не бывает».

Этот уголовник просто обязан был сделать скидку на мой нежный возраст, но поступил совсем иначе. Он посмел. Я уловил опасное движение, затаил дыхание и напряг мышцы

пресса, но жало ножа с легкостью вошло мне в живот.

– Вот видишь, я могу, – спокойно проговорил фиксатый негодяй.

Он смотрел мне в глаза и улыбался, как будто ударил ножом понарошку. Это была игра. Мне предлагалось узнать, от кого я получил пинок по заднице.

Но это была не игра. Уголовник собирался повторить удар, попытался вытянуть нож из раны, но почему-то не смог сделать этого. Лезвие застряло в мышцах живота, не вынималось, как он ни старался.

Зато я мог ударить его. Нож находился в моей руке, но она так и не поднялась. Он отошел от меня. Ручка ножа осталась у него в кулаке, а лезвие – во мне.

– Жарик, завязывай! – потрясенно глядя на меня, пробормотал его приятель.

Жарик ничего ему не сказал и посмотрел на Дуську. Она так и лежала на полу, закрываясь руками, лицом вниз, как будто не хотела видеть всего того, что происходило здесь и сейчас.

Жарик находился в двух шагах от меня. Ручка обычного кухонного ножа – плохая защита. Я должен был этим воспользоваться, сделать шаг, замахнуться и ударить. Всего-то и делов.

Но шагнуть к Жарику я так и не смог. Перед глазами у меня поплыло, день вдруг сменился ночью, стало темно, тихо и холодно.

Глава 2

Небо чистое, ни облачка, солнце в зените, ветра нет, воздух даже не колышется. Но не жарко.

Я сидел на большом камне; со скалы, нависающей над заливом, смотрел на бескрайний океан и ни о чем не думал. Я чувствовал свое тело, но не испытывал ни малейшего дискомфорта от долгого непрерывного сидения, холода, голода или желания спать.

За спиной у меня, на зеленой полянке среди пальм, стоял небольшой домик, но я в нем ни разу не был. Не хотел. Где я, почему оказался тут? Я не искал ответов на эти вопросы хотя бы потому, что они обходили меня стороной.

Небо вдруг стало темным, сверкнула молния, море вздыбилось огромной волной. Но у меня не было ни страха, ни восторга, ни даже удивления, вообще ничего.

В глаза мне вдруг хлынул свет, легкие заполнились воздухом, я задышал. Скала над заливом исчезла. Я лежал в больничной палате под капельницей, над головой что-то попискивало, глубоко в рот вставлены были какие-то трубочки. Под потолком тускло горел свет. На соседней койке лежал какой-то бессознательный мужчина с большим животом.

У Дуськи тоже был живот. Я вспомнил, как Жарик ударил ее кулаком, как она корчилась от боли. А меня этот скот посадил на нож, но не убил.

Меня кто-то доставил в больницу. Наверное, врачи сделали мне операцию и поместили в реанимацию. В чувство я пришел только сейчас и даже не знал, хорошо это или плохо. Теперь ведь выздоравливать придется, перевязки будут, боль. А потом я снова окажусь в кабале у своих братьев. Меня ждут проститутки, попрошайки и прочая привокзальная грязь. А на острове в океане было очень хорошо, спокойно, ни холода, ни голода, и думать ни о чем не нужно.

Сейчас меня мучила жажда, мне хотелось на горшок. Будет и голод. На кусок хлеба заработать непросто. Впереди меня ждет борьба за существование. За что мне такое наказание?

В палату зашла женщина в белом халате, осторожно приблизилась ко мне, увидела, что я лежу с открытыми глазами, всплеснула руками и побежала из палаты, наверное, за врачом.

Оказалось, что у меня была кома, и я провел в этом состоянии без малого две недели. Об этом сказала мне миловидная женщина с мягкой улыбкой и усталым взглядом. Она говорила и наблюдала за мной. Ее интересовала моя реакция на происходящее.

Я же лежал как мумия, смотрел на нее и хлопал глазами так, как будто мне было все равно. Мой разум вроде бы остался где-то там, в загробном мире.

Не впечатлил меня и результат операции. Врачи не смогли спасти селезенку, ее пришлось вырезать, а это куда серьез-

ней, чем удалить аппендицит. Но меня такой вот факт почему-то не особо расстраивал.

– Папа твой очень переживал, первые два дня от тебя не отходил, – сказала женщина.

– А мама?

Наконец-то во мне прорезалось что-то, похожее на удивление. Мама должна была переживать за меня, но никак не отец. Я для него всегда был в тягость, он не скрывал этого, а тут появилась возможность избавиться от меня. И вдруг телячьи нежности. Может, он лицемер?

– И мама была, – сказала докторша и улыбнулась. – И братья твои приходили. Виталик дежурил возле тебя, Валера и... – Она задумалась.

– Санька, – подсказал я.

– Да, Саша тоже тут был. Очень хороший мальчик.

Я не мог поверить своим ушам. Моим братьям давно не было до меня никакого дела, и вдруг такая забота. Мало того, эти отморозки прикинулись пай-мальчиками. Что это за игра у них такая?

– Еще следователь приходил, – сказала женщина.

Следователь появился утром. Санитарка уже перевезла меня в обычную палату, накормила, перевязала. Должны были появиться мои родные, но следователь их почему-то опередил. Это потом я уже понял, что у него с врачами был разговор. Сначала допрос, а затем уже посетители.

Широколицый мужчина с раскосыми глазами смотрел на меня как на покойника, над гробом которого он собирался произнести торжественную заупокойную речь.

Я уже знал, что само по себе мое ранение не очень-то и опасно. Тысячи людей по многу лет живут без селезенки. А в кому меня отправил неудачный наркоз. Кто-то там с чем-то переборщил. Я уже переместился в приемный покой загробного мира, но все-таки вернулся к жизни. Так что зря следователь хоронил меня.

Он представился, заявил, что должен найти и наказать преступника, посягнувшего на мою жизнь, спросил, как все было, и этим поставил меня в тупик. Если Жарика до сих пор не взяли, значит, у моего отца были причины не связываться с милицией. Дуська тоже ничего не сказала. Наверное, потому, что боялась Жарика до жидкого стула.

Да и нельзя было сдавать Жарика. Он же из страшного воровского мира, а в семье Сермяговых отроду не водились стукачи.

– А что говорить-то? Захожу в подъезд, выходит кто-то из темноты. Я и понять ничего не успел.

– Тебя из квартиры увозили, – парировал следователь.

– Да?..

– Значит, некая добрая душа о тебе позаботилась, в квартиру к себе затащила. Это была проститутка Евдокия Павловна Шабанова.

– И что Шабанова говорит?

– Скрылась Шабанова, сама уехала или кто-то ее увез. Возможно, этой особы уже в живых нет. – Следователь говорил спокойно, но глаз с меня не сводил.

– Жаль, если так.

– Твои братья организовали притон. Шабанова занималась проституцией. Может, кто-то из братьев тебя ударил? – спросил следователь, всей силой своего взгляда призывая меня к ответу.

Но я всего лишь усмехнулся. Если бы меня пырнул ножом кто-то из братьев, то я точно ничего не сказал бы. Да и отца ни за что не стал бы сдавать.

– Что скажешь, Леонид?

– Скажу, что плохо мне, скажу, – прошипел я, притворно закатывая глаза. – Врача позовите!

На этом допрос и окончился.

Спустя какое-то время появилась мама, за ней в палату зашел отец, с яблони посыпались яблоки – Виталик, Валерка, Санька. Все улыбались, радовались, не семья, а святая идиллия. Мама заплакала, у отца на глазах выступила скупая мужская слеза.

– Следователь был, – сказал я, выразительно глядя на него.

– И что? – Взгляд его затвердел.

– Я ничего не сказал.

– Не надо говорить, – заявил Виталик. – Ты сам за себя

спросишь.

Он уже не улыбался, его лицо окаменело. Санька с Валерой стояли, нахмутив брови. Семейный совет вынес решение. Отец утвердил его резким кивком.

Мама всплеснула руками, с отчаянием глянула на старшего сына, но ее переживания никого не трогали, молчаливые запреты не имели в семье никакой силы. Я ей больше не принадлежал, как это было раньше. Я стал полноценным членом семьи. Отец и братья за меня уже переживали, но до серьезного отношения ко мне было еще далеко. Сначала я должен был отомстить за себя, показать, чего стою.

Что ж, я готов, если отец и братья помогут мне. А как может быть иначе?

Весь день я думал, как мне быть, что делать, а ночью моя фантазия разыгралась вовсю. Я лежал без сна и представлял, как подойду к Жарику, посмотрю ему в глаза и тренированной рукой ударю его ножом точно в пупок. Я наносил удары раз за разом, пока не уснул.

Всю ночь мне снилось, как он гонится за мной с ножом в животе. Я убегал, зная, что надолго его не хватит. Но Жарик почему-то не падал, не умирал. Зато проснулся я еле живой от усталости, как будто действительно бегал всю ночь.

Утро вечера мудреней. Оно-то и охладило мой пыл.

Конечно, хорошо, что у нас такая дружная семья, один за всех, все за одного. Отец и врачам заплатил за особое ко мне отношение, и даже ночь возле моей кровати провел. Братья

такие же заботливые. Но почему все они ждут, когда я выйду из больницы и отомщу за себя, не могут собраться вместе, выйти на Жарика и наказать его?

Возможно, отец хотел, чтобы я прошел обряд посвящения, но мне же только-только пятнадцать лет стукнуло. Какое тут может быть боевое крещение?

Жарика нужно убить. Это как минимум грех на юную душу, а как максимум нож в сердце. Уж я-то знал, с какой легкостью бьет Жарик. Рука у него точно не дрогнет. Чуть замешкаюсь, и все.

Может, Виталик имел в виду что-то другое? Я не так его понял? Мне и не нужно убивать Жарика?

Об этом я спросил у отца напрямую. Он пришел ко мне один, долго смотрел на меня и молчал, как будто знал, что у меня на уме. А я не мог не спросить.

– Жарика нужно убить, – ответил отец, пристально глянул на меня и добавил: – Есть вещи, которые нельзя прощать.

Я кивнул, мол, все понимаю. Но похоже было на то, что отец не совсем поверил мне. Он увидел мое сомнение, страх или даже детскую истерику. Действительно, как может взрослый мужик толкать своего юного сына на убийство? В нормальных семьях такого никогда не бывает.

– Сегодня ты простишь Жарика, а завтра он убьет твою мать, – сказал отец, не сводя с меня глаз.

Я потрясенно мотнул головой. Во-первых, я не должен давать маму в обиду, во-вторых, зачем Жарику ее убивать?

– А он убьет. Чтобы поиздеваться над тобой. Над твоей слабостью, – чеканил отец. – Жарик такой человек. Полный отморозок. Ничего святого.

– Меня ножом ударил, – сказал я.

– Вот.

– Дуську в живот ногой...

– Нельзя заступаться за шлюху, – заявил отец и брезгливо поморщился.

– Она беременная шлюха.

– И что? Даже не родила. А ты чуть не загнулся. Из-за шлюхи.

– Где она?

Отец глянул на меня с язвительным возмущением. Мол, что за вопросы, сынок? Он даже не стал мне отвечать, заставляя меня убить человека, но при этом запрещал интересоваться шлюхой, которую сам же загнал в притон. Святой отец.

К этому разговору мы больше не возвращались.

Месяца через два я выписался из больницы. Мама забрала меня, Санька привез нас домой и уехал по своим делам. По каким именно, он не говорил, как будто ждал, когда я сам спрошу. Однако мне вовсе не хотелось вникать в семейные дела. Там кровь и насилие. Зачем это мне?

Жарика убивать я тоже не желал. Никогда теленку не справится с быком.

Рана моя зажила, затянулась, швы врачи сняли, но рекомендовали мне покой. Чем не оправдательный мотив?

Но оправдываться мне не пришлось.

Вечером, ближе к ночи, появились добытчики. Они заработали на ужин. Отец не забыл мне об этом напомнить, дал понять, что ждет от меня смелой заявки на серьезный разговор. Но я молчал.

Ничего я не сказал и утром. Меня никто не торопил. Все было как обычно. Отец выдал короткую назидательную речь, после завтрака вместе со старшими сыновьями уехал смотреть за своим вокзалом. Там ведь у него не только попрошайки работали, но и проститутки. А может, кто-то и наркотики продавал. Мне оно нужно?

Отец и братья уехали, меня с собой не позвали. Я на это не обиделся.

Вечером они вернулись. Отец благодушно кивнул мне, Виталик шлепнул по плечу, Валерка потрепал по щеке, а Санька нажал пальцем на кончик носа. На этом весь интерес к моей персоне и закончился.

Утром отец и братья почти не обращали на меня внимания и с собой звать не стали. Я опять не обиделся, но машину взглядом проводил. Она уехала, а я так и остался стоять у ворот.

Мама подошла ко мне, обняла и тихонько сказала:

– Тебе с ними не нужно.

– Почему?

– На следующей неделе в школу.

Я фыркнул. Какая может быть школа? В шестой класс в четырнадцать лет? Учителя на меня и в прошлом году смотрели, как на дебила-переростка, а что будет в этом?

– Ты должен выучиться, стать человеком, – проговорила мама и отвела в сторону взгляд, чтобы я не увидел в нем сомнение.

Я учился без троек, учителя меня хвалили. Мама сомневалась не в моих способностях, а в самой возможности дойти до конца. Это сколько же лет нужно еще учиться, а я уже одной ногой ступил во взрослую жизнь.

– Не знаю. – Я не стал скрывать свои сомнения.

– С отцом я говорила, он не против.

Я качнул головой, косо глянул на маму. Никто не просил ее опускать меня в глазах отца и братьев.

Ранение давало о себе знать. Мне еще рано было качать пресс, но ничто не мешало заняться мешком с песком, который висел за домом. Сначала я молотил грушу кулаками, затем стал махать ножом, представляя перед собой Жарика.

Рано еще мне вступать в схватку с таким сильным противником, сначала нужно подготовить себя физически. Да и морально тоже.

Следующий день я тоже провел в тренировках, беспощадно мочалил грушу, махал ножом, стараясь чиркнуть Жарика острием по горлу.

А потом наступило первое сентября. В школу я идти не

хотел, но мама неожиданно сделала мне подарок, справила новый костюм и кожаную сумку для учебников. Пиджак и брюки сидели гладко. Я даже сходил в парикмахерскую и вернулся оттуда с модельной стрижкой, чтобы выглядеть на все сто.

В первый день я натер ноги новыми туфлями, на второй набил морду Яшке Соболю из одиннадцатого класса, который поставил под сомнение мои умственные способности. За это меня вызвали к директору школы на ковер. Там я и получил предложение, от которого не захотел отказываться. Мария Степановна предложила мне экстерном сдать экзамены за шестой класс и пойти сразу в седьмой.

Мне нужно было садиться за учебники. Но, вернувшись домой, я снова занялся грушей и до самого вечера бился в нее лбом, наработывал удар головой.

На третий день в школе я познакомился с Клавой из десятого класса. Для этого мне не пришлось прикладывать никаких усилий. Девчонка сама подошла ко мне и, стараясь сохранять спокойствие, предложила свою помощь.

– Тебе же нужно перейти в седьмой класс, – с важным видом сказала она.

– Да хоть в десятый. Если с тобой.

Я смотрел на нее и качал головой. Где-то я уже видел этот лоб, брови, нос. Но если у Дуськи черты лица уже были размыты водкой, то у Клавы они еще только-только сформировались. И брови у нее красивее, гуще.

– В десятый не получится. А в восьмой можно. Если очень постараться.

– А тебя Клава зовут? – без всякого стеснения спросил я, продолжая разглядывать девчонку.

– И что? – осведомилась она.

Клаву все больше смущал мой взгляд, но уверенность в своем превосходстве не покидала ее. Отказываться от меня она не желала. Во всяком случае, так мне казалось.

– А почему не Дуся?

– Дусей зовут мою сестру.

– Папа придумал? – любопытно спросил я и хмыкнул.

– При чем здесь папа?

– Папа всегда при чем.

Оказывается, отец не только у меня странный. У Клавы та же песня. Мой свою семью в банду обратил, а ее – дал дочерям дурацкие имена.

Я не стал спрашивать Клаву о ее сестре. Мне и без того все стало ясно. Не зря она так похожа была на Дуську. В них текла одна кровь. Только вот вряд ли Клава гордилась своей сестрой, шлюхой и наркоманкой. Не стоило спрашивать ее об этом.

Была еще одна причина, по которой мне не хотелось говорить о Дуське. Клава – это школа, чистота помыслов и отношений, а Дуська – вокзал, грязь и мерзость. Я не желал смешивать одно с другим, хотя и вынужден был делить свой день на две половины.

Утром я сажился за учебники, штудировал параграфы, решал задачки. После обеда приходила Клава, спрашивала, закрепляла, нацеливала меня на новые высоты. Когда она отправлялась восвояси, я снова брался за нож и без устали убивал Жарика.

Так продолжалось недели две, пока Клава ходила ко мне. А потом вдруг отрезало, ни слуху от нее, ни духу.

Она очень нравилась мне как женщина. Я хмелел от ее нечаянных прикосновений, от голоса, который напоминал шелест листвы над журчащим ручейком. Я ничуть не робел перед ней, не стеснялся вставить в разговор острое словцо, но под юбку к девчонке не лез, на сальности не переходил, ни разу не возбудился так, как это было в доме у вокзала, когда Виталик раздел и повел куда следовало ее сестру.

Может, потому Клава и потеряла ко мне интерес. Санька говорил, что бабы любят горячих мужиков.

В принципе, я в ней особо не нуждался. Что учить, я знал, голова работала как надо без всяких репетиторов. К Новому году можно будет сделать первую попытку сдать экзамен. Или даже раньше. Но без нее было скучно и кисло.

Я уже готов был идти к ней за объяснениями, когда ко мне пожаловала Дуська. Вот уж кого я не ожидал увидеть.

Я молотил грушу, отдыхал от гранита науки. Ко мне подошла мама, сказала, что пришла какая-то беременная дамочка, спрашивает меня. Нож тяжелил карман, но выкладывать его и оставлять я не стал, не хотел, чтобы мама скривила ли-

цо, увидев это. Так с ним и вышел за калитку.

Дуську действительно можно было назвать дамочкой. На такое сравнение наталкивала старомодная шляпка с вуалью, которую она сняла, едва я появился. На дворе стояло бабье лето, солнце грело, как в августе, но Дуська была в плаще, под которым бугрился живот.

«Наркоманам всегда холодно», – подумал я, но тут же заметил, что Дуська не похожа была на себя прежнюю.

Под глазами чисто, щечки розовые, губы не обвисли, сочно блестели под жирным слоем помады. Но тревога в глазах присутствовала, и в движениях рук ощущалась нервозность.

– Ты кого-то боишься? – спросил я, с наигранной насмешкой глядя на нее.

Не было у меня желания защищать Дуську от напастей, но интерес к ней разгорался, как сырая спичка, с шипением и дымом.

Дуська проигрывала своей младшей сестре в свежести, в красоте, к тому же была на сносях. Но Клава почему-то и близко не возбуждала мои фантазии так, как она.

– Да вроде не особо, – ответила она, глянула на дом, стоявший за моей спиной, и пожала плечами.

– Моего отца?

– Да как бы тебе сказать? – Дуська взглядом показала на беседку, увитую виноградом и прилипшую к соседнему дому.

Дядя Витя, его хозяин, любил отдыхать в ней за трехлит-

ровой банкой пива. Там можно скрыться от посторонних глаз, спокойно посидеть в тени.

Я кивнул, соглашаясь. Еще бы я отказался от уединения с женщиной, от которой твердел не только мой характер.

– Да, я отца твоего боюсь, – сказала она, усаживаясь на лавку. – Да и братьев.

– Они тебя ищут? – спросил я и сел впритирку с Дуськой.

Тепло ее бедра хлынуло в меня, воспламенило кровь, и без того уже горячую.

Она не отодвинулась, напротив, прижалась ко мне плечом и сказала:

– А вот об этом я хотела бы тебя спросить.

– Если честно, я не в курсе. Мне до их дел интереса нет.

– Я сразу поняла, что ты не такой, как они, – проговорила Дуська и еще крепче прижалась ко мне боком.

– Ты сбежала не от нас, а от Жарика.

– Ну да.

– И сейчас бегаешь от него. – Я щелкнул пальцами по ее шляпе.

– Нет, с ним я расплатилась.

– Чем?

Я представил, как Дуська опускается передо мной на колени, и меня бросило в озноб.

– Молчанием. Он же тебя тогда... А я никому ничего не сказала. Ты же не осуждаешь меня за это?

– А пришла чего?

– Ты же меня тогда, считай, спас. Жарик меня убить мог.

– Не стоит благодарностей, – сказал я, нижним умом думая об обратном.

– И еще ты к жизни меня вернул, заставил задуматься. – Дуська провела рукой по своему животу. – Нет, правда. Я с тех пор ни разу!.. – Она шлепнула себя пальцами по внешнему сгибу правой руки.

– Рад за тебя.

– Сама не верила, что смогу. Домой вернулась, рожать вот собралась.

– Если девочка будет, как назовешь? Можно Авдотьей или Анфисой. Предкам твоим понравится.

– Девочка будет. Катей назову. Незачем над ребенком издеваться.

– Как там Клава поживает? – спросил я.

– Ты знаешь? – встрепенулась Дуська. – Она вроде бы тебе не говорила.

– Догадался. Носы у вас одинаковые, а вот глаза разные.

Глаза у Клавы действительно не такие, как у сестры. Не та в них глубина, и яркость обычная, земная, в то время как у Дуськи она потусторонняя. Нечистая сила в них, тихая, но завораживающая. И рот у Клавы небольшой, аккуратный, а у Дуськи длинный. Но этот ее явный минус почему-то казался мне плюсом.

– Ты оставил бы Клавку в покое, – сказала она и положила руку мне на коленку.

– Не понял.

– Не морочь девчонке голову.

– Она сама напросилась.

– Парень ты красивый, сломаешь ей жизнь, – не унималась

Дуська. – Мне тоже такой вот кавалер, как ты, ее изуродовал.

Думала, нормальный, а он меня на иглу посадил.

– Зря ты такое про меня говоришь.

– Ну, с тобой-то, может, и все в норме, а вот если братья твои насядут на девку, то не слезут с нее. Я сказала ей, чтобы она больше к вам не приходила, но коли вдруг что, ты не давай ее в обиду, ладно?

– Да и не собираюсь, – сказал я, глядя на руку, которая все еще покоилась у меня на коленке.

Красивая у Дуськи рука, кожа нежная, с матовым оттенком, узорные венки сквозь нее розовеют. Пальцы длинные, изящные, ногти ухоженные. Может, и на локтевых сгибах уже нет синяков от уколов. Если, конечно, она действительно завязала.

– И не надо.

Она повела рукой вверх по моей коленке, но тут же спохватилась, пугливо отдернула ее и стала подниматься, глядя куда-то в сторону от меня.

– Значит, насчет Клавы договорились? – осведомилась она.

– Уходишь? – с сожалением спросил я.

– Да. Вдруг твои появятся. Ты им скажи, чтобы меня не

трогали, – проговорила Дуська и медленно направилась к тротуару.

Меня потянуло за ней. Внутри все кипело и булькало, но не мог же я сделать ей непристойное предложение. Во-первых, у нее пузо, а во-вторых, она уже вернулась к нормальной жизни.

– Ну, если не трудно, – добавила Дуська.

– А Жарику? Ему я так сказать не могу.

Я должен был разобраться с Жариком. Этого от меня ждала моя семья, но у меня практически не было никакой информации о нем. Приблатненный отморозок, две ходки за разбой, бандитствовал, приторговывал наркотой. Это и все, что я о нем знал. А где он обитает, не имел понятия. Может, Дуська прояснит.

– Зря ты его вспомнил. – Голос ее звякнул, как лопнувшая струна.

При этом она смотрела вправо, на дорогу.

Там-то по тротуару как раз торопливо спешил Жарик. Лицо багровое, взгляд в кучку, походка шаткая. То ли обдолбался, то ли на грудь крепко принял. Не исключено и то и другое.

Жарик шел не просто так, из пункта «А» в пункт «Б». Он пошатывался, смотрел по сторонам, искал кого-то взглядом.

Этот поганец увидел Дуську, оскалился, протянул к ней руку, ускорил шаг и заорал:

– Вот ты где!

– Да когда же он сдохнет? – простонала Дуська, поворачиваясь к нему спиной.

При этом она толкнула меня в плечо, давая понять, что я должен преградить Жарику путь. Но я и не собирался убежать от него. Ноги будто вросли в землю, тело окаменело.

– И ты здесь? – обрадовался пьяный отморозок, увидев меня.

Я все так же остолбенело смотрел на него, но инстинкт самосохранения все же прорезался сквозь ступор, который меня охватил. Рука потянулась в карман за ножом.

– Пошел вон отсюда! – заявил Жарик и махнул рукой, как веником.

Но я не сдвинулся с места, достал нож и выщелкнул лезвие.

– Ах ты, сучонок! – прорычал Жарик, остановился, сунул руку в задний карман джинсов и достал такой же кнопочник, как и у меня.

Это не дешевый кухонный нож, лезвие от ручки у него не отстанет, в живот войдет на всю глубину.

Я вспомнил, как Жарик убивал меня. Он не рисовался, не угрожал, просто взял и ударил. Этот гад и сейчас поступит точно так же, если я буду жевать сопли.

Страх продолжал держать меня за ноги, но рука все же пришла в движение. Я и сам не понял, как лезвие моего ножа разрежало рубаху, кожу, вспороло упругую плоть и вошло в

живот Жарика. В глаза мне брызнула кровь, но меня это не остановило. Я выдернул нож из раны и тут же ударил снова.

Только профи может убить человека ножом с первого же удара. Если тыкать наобум, то одного раза будет недостаточно. Иногда и десяти бывает мало. Так говорил мне врач. Сейчас я просто вспомнил об этом. Поэтому бил и бил, в диком помешательстве ускорял движения. А Жарик стоял, опустив руки, и смотрел на меня выпученными глазами.

Я не хотел убивать Жарика. Мне нужно было просто свалить его на землю, чтобы он не смог ударить меня в ответ. Я что-то не очень хотел опять угодить в больницу, под нож хирурга.

Жарик дергался, старался поднять руку, в которой мертвой хваткой держал нож. Он пытался меня остановить, но каждый мой удар заставлял его отходить назад.

Жарик опустился на колени, затем протянул ко мне руки и рухнул на живот. Окровавленный нож оставался в моей руке. Я стоял и потрясенно смотрел на Жарика, который конвульсивно дергал ногой и двигал руками, пытаясь подняться. При этом я видел и самого себя. Как будто душа моя отделилась от тела и наблюдала за происходящим со стороны.

Наконец Жарик затих, раскинул руки, вытянул ноги.

– Ленька! – донеслось до меня.

Душа моя вернулась на место. Я обернулся и увидел маму, которая бежала ко мне, махая кухонным полотенцем.

А Дуську я не увидел. Не было ее, испарилась она, как мо-

ча с крышки унитаза, испугалась и дала деру, не дожидаясь исхода. Но разве я мог ее за это осуждать?

Глава 3

Отец не раз пугал нас переполненными камерами, и мы ему верили. Три раза он был под следствием, дважды уходил на этап, поэтому знал, что говорил.

Но мне повезло. В хате на десять мест было всего шесть юнцов. Один сидел на столе в позе пахана, выставив напоказ свои татуировки. Под ключицами розы, на плече тюльпан за решеткой и в колючей проволоке. Два глаза на груди, третий на лице, а четвертый – стекляшка.

Вокруг этого бывалого типа сидели арестанты помоложе и помельче рангом. Торс никто из них не оголял. Им выстав- ляться не полагалось. Их дело маленькое, надо сидеть ровно и слушать, чем грузит их старший.

Но что-то они не очень-то заглядывали ему в рот. Один тайком под столом тасовал карты, другой зевал во весь рот, третий дремал, закрыв глаза. Все курили. Трехглазого фрук- та обволакивал дым.

Скучно им было, а тут вдруг открылась дверь, и появился новичок. То есть я. Все внимание переключилось на меня.

Я поздоровался так, как учил отец, но на это никто не об- ратил внимания. Паренек с пятаком вместо носа презритель- но хмыкнул. Он принял мою вежливость за слабость.

Расписной субъект хищно посмотрел на меня одним сво- им глазом, нахохлился, напыжился, развел в сторону локти.

Вслед за этим он поманил меня к себе пальцем.

Я пожал плечами и подошел к нему, двумя руками прижимая к себе матрас, свернутый в рулон. Я мог бы положить его на койку, но вдруг паханчику взбредет в голову двинуть меня ногой или даже ударить заточкой в грудь? В этом случае матрас обеспечит мне защиту.

– Что это? – спросил паханчик, ткнув пальцами в глаза на груди.

– Ищешь сук, – вспомнил я.

– Откуда знаешь?

– Знаю.

– Может, ты и есть сука?

Я понял, что разговора не будет. Трехглазый смотрящий должен был поднять себя в глазах арестантов. Жертвоприношение – самый лучший для этого способ. Если он выбрал меня, то блять с ним бесполезно. Только бодаться, причем в полную силу. Других объяснений тут не примут.

Ступора не было, голова соображала четко, решение созрело мгновенно. Матрас, свернутый в рулон, я поставил на стол слева от паханчика, а ударил его справа, с той стороны, где у него не было глаза. Врезал с размаха, не опасаясь ответной реакции.

Этот субъект действительно прозевал удар из-за своей ущербности. А бил я достаточно мощно, да и кулак мой угодил точно в переносицу.

Я помнил, как было с Жариком, и сейчас собирался идти

на добывание, но тюремный орел вдруг повесил клюв и опустил крылья. Сознание он не потерял, но покачал отбитой головой и беспомощно сполз со стола.

Парень с пятаком вскочил и собрался меня ударить.

Я схватил матрас, упавший на меня, отступил на шаг назад, взглянул на врага и сказал:

– Это тебе за суку!

Нога моя коснулась никем не занятой шконки. Я бросил на нее матрас. Но боевую стойку принимать не стал. Это бесполезно, если на меня набросятся толпой.

– А кто ты такой? – спросил коренастый крепыш с лысой, отполированной до блеска головой.

Он слегка приподнял руку и придержал свинорылого типа, который все никак не решался атаковать меня.

– Да чего ты спрашиваешь? – прохрипел паханчик. – Мочи фраера!

– Ага, нападай сразу все, по беспределу, – заявил я.

– А что ты знаешь про беспредел? – осведомился свинорылый пацан.

– Ну, про сук он знает, – заявил лысый.

– И про розочки тоже, – добавил я. – Загубленная молодость.

– А что не так? – Паханчик заметно насторожился.

– Загубленная молодость коблы, – заявил я и скривил губы.

Тут, наверное, надо пояснить, что на женских зонах так

называют активных лесбиянок.

На самом деле я не уверен был в своих словах, знал просто, что розы и тюльпаны в тюремной живописи цветут со смыслом. Если тюльпан в колючке, значит, за решеткой бывал уже в шестнадцать лет, если роза в том же соусе, значит, восемнадцать стукнуло в неволе. Просто розы – загубленная молодость, роза с шипами на бедре – пассивная лесбиянка.

– Кто кобла?! – завопил паханчик и вскочил.

– Так я же не утверждаю. Но ты можешь с меня спросить прямо сейчас, – проговорил я, вызывая огонь на себя.

Но он не решался идти на реванш и на этом терял последние очки.

– Не утверждаешь? – деловито спросил лысый.

– Прогон нужно сделать, спросить.

– На кого прогон?

– И на Розочку тоже.

– На кого? – вскинулся паханчик.

Но лысый окончательно его добил.

Он повернулся, рассеянно глянул на него, в раздумье приложил палец ко лбу и проговорил:

– Ну, с тобой, Розочка, допустим, все ясно, а ты кто будешь? – Пацан расправил плечи и шагнул ко мне.

Полной уверенности в своих силах в нем не наблюдалось, но желание стать старшим пересиливало опасность, исходящую от меня.

– Леня меня зовут. Сермягов.

– А погоняло?

– Его мне тюрьма даст.

– Сермягов?.. – Свинорылый тип потер кулаком переносицу и спросил: – Это ты Жарика пописал?

– Я.

В камере вдруг стало тихо. Слышно было, как скапывает с трубы вода.

– Слыхали, – наконец-то выдавил из себя лысый.

– Писарем будешь, – заявил свинорылый парень и осклабился.

– Резкий ты, – завистливо глянув на меня, пискнул трехглазый паханчик.

Я задрал рубаху, открыл свежий шрам на животе и обвел взглядом обитателей камеры. Все должны его видеть и знать, что почем.

– Жарик первый начал. А я ответил. Всегда будет точно так же.

Трехглазый тип не выдержал мой взгляд, вжал голову в плечи. Он, казалось бы, смирился со своим новым именем Розочка.

Подавленно смотрели на меня и все остальные. А ведь совсем недавно они готовы были наброситься на меня толпой, забить, затравить, опустить. Но моя решимость поставила их на место, а недавнее прошлое и вовсе загнало в стойло. Если я смог ответить самому Жарику, то мне ничего не стоило так же спросить и с них.

Правильно говорил отец. Есть вещи, которые нельзя прощать. Я должен был убить Жарика, что и сделал. За это мне честь и уважение.

Уважали меня теперь не только мои новые сокамерники. Я поднялся в глазах своих братьев. Санька никогда больше не посмеет ударить меня в живот, как он привык это делать. Виталик не поведет трахать бабу, которая мне нравится. Отец не пожалеет денег на передачи в тюрьму. Подогрев мне обеспечен.

Я не мог знать, сколько лет мне отмерит суд, но сидеть мне, скорее всего, придется. Никто не видел, как Жарик бросался на меня с ножом. Мама говорила, что я всего лишь защищался, но ей не особо верили.

А Дуська снова исчезла, собрала вещи и куда-то уехала. Ее искали, но без толку. И братьев моих она боялась и с друзьями Жарика связываться не хотела. Ее можно было понять.

Я пытался объяснять следователю, что Жарик уже пытался меня убить, но тот в ответ лишь усмехался. Об этом нужно было сказать сразу, еще в больнице, а сейчас уже поздно.

Адвокат уверял, что следователь просто вредничает. Но самому суду все равно, когда я сделал признание. Для вынесения приговора важно состояние, в котором находилась моя психика в момент убийства. Если Жарик пытался убить меня в прошлом, то я имел право защищаться от него в настоящем, боялся за свою жизнь, испытывал сильное душевное волнение.

Необходимая оборона, аффект, малолетний возраст – вот те три кита, на которых строилась моя защита. Адвокат молодой, с амбициями, язык у него подвешен, но сможет ли он выиграть в суде условный срок для меня? Если честно, я не очень-то на это надеялся.

Да и отец меня не особо обнадеживал.

«Думать нужно о лучшем, но готовиться к худшему», – говорил он.

Еще он утверждал, что именно в тюрьме и начинается настоящая жизнь. Нужно только вгрызться в нее всеми зубами. Именно вгрызться, а не приспособиться. Бревна, безвольно плывущие по течению, рано или поздно тонут, опускаются на дно.

Отец многому меня научил. Но ведь именно благодаря ему я и оказался за решеткой. Это его воспитание заставило меня встать стеной перед Жариком. Иначе я просто дал бы деру и жил бы сейчас себе в удовольствие.

Сдать экстерном за два класса, продолжить учебу, окончить школу, институт, устроиться на хорошую работу, жить, как человек. Что в этом плохого? Но не судьба. Видно, на роду мне написано соблюдать законы своей семьи, слушаться отца, который ни разу не ангел.

Я вгрызся в тюремную жизнь, завоевал авторитет и уважение, но все требовалось удержать. Для этого нужно было жить по законам тюремного общества, а это как ходьба по минному полю. Спасибо отцу, я знал, как это надо делать, но

ведь мог и оступитья или просто получить подножку. Подставить ее мне был способен хотя бы тот же Розочка, который наверняка затаил на меня злобу.

Я не стал быковать, не заставил Розочку съехать с угловой шконки, не претендовал на центровое место. Его занял Никс. Так звали лысого пацана. Он сделал это с оглядкой на меня, но довольно-таки уверенно. Розочка перебрался на его шконку. Она котировалась чуть повыше, чем та, которую я оставил за собой.

«Не место красит человека», – думал я.

В общем-то так оно и было. Я вел себя правильно, братва меня уважала, а там и дачка с воли зашла. Отец не подвел, пригнал много всяких вкусностей. Мы устроили самый настоящий пир.

Тогда-то Розочка и похлопал меня по плечу с небрежностью хозяина жизни. Он вроде бы и хвалил меня, но делал это с высоты положения, на котором хотел себя видеть.

Пацанов в камере прибывало. Розочка встречал новичков, изображал крутого, но справедливого босса. Ньюню Жорика он откровенно опустил, заставил пускать газы в тазик с водой. Здоровенного, но непроходимо тупого Васю попытался возвысить. Я не возражал, но назвал пацана Пробкой. Это погоняло прочно прилипло к Васе, но не помешало Розочке сдружиться с ним.

А потом лысого Никса увезли на суд. Обрато он мог и не вернуться. Дело у него было простое, на одно заседание.

Если оправдают, освободят, если нет, отправят в камеру для осужденных.

Я вовсе не хотел быть смотрящим. Меня интересовала только собственная жизнь, а отвечать за всех – нет уж, к черту.

Блатная, негласная администрация тюрьмы не очень-то вникала в жизнь малолетних арестантов. Никто не стал бы утверждать мое выдвижение, но в случае чего спрос был бы с меня, а не с кого-то другого. А случиться могло все, что угодно.

Недавно во взрослую камеру заехал какой-то крутой. Зэки приняли его на уровне, а следом прогон с предупреждением. Осторожно, петух! Но было уже поздно. В зашкваре оказалась вся камера вместе со смотрящим.

Но если с обычными арестантами все когда-нибудь забудется, то на смотрящем крест останется навсегда.

Не хотел я, но братва видела на месте смотрящего именно меня. Розочка тоже претендовал на эту должность, но шансов у него было куда меньше. Все знали, кто его унизил. Кому нужен пахан, который не может спросить за себя?

А Розочка не дурак, он все прекрасно понимал. Что-то должно было случиться. Дурное предчувствие не особо терзало меня, но за ночь я не сомкнул глаз, все ждал поползновений со стороны Розочки, сжимал в руке заточку, которую смастерил из черенка ложки.

Ночь прошла спокойно, а утром на меня наехал Пробка. Я

склонился над умывальником, а он грубо меня толкнул. На ногах я удержался, но мыло выскользнуло из моих пальцев и упало на пол, под ноги пацанам, стоявшим за мной.

Я резко глянул на него, но он лишь ухмыльнулся и пожал плечами. Дескать, случайно вышло. Но я-то знал, что почему.

Я мог ударить Пробку, но Никса в камере не было. Розочка обязательно устроил бы разбор и обосновал бы мою неправоту. Если Пробка толкнул меня случайно, то я должен был понять его и простить.

Но и не ответить я не мог.

– Извинись, – потребовал я.

– Извини, – с той же ухмылкой сказал он.

– И мыло подними.

Даже Пробка понимал, что делать этого нельзя.

– Сам поднимай.

Он был выше меня всего на чуть-чуть, но в плечах раза в полтора шире. Руки у него сильные, если схватит в охапку, то мне не вырваться.

Но все же я решился на атаку, ударил его головой в нос со всей силы, не жалея себя. Ощущение было такое, как будто я врезался лбом в каменную стену с тонким холщовым ковром на ней. Из глаз посыпались искры, в нос ударил резкий запах ржавчины. Голова закружилась. Какая-то сила потянула меня куда-то в сторону, развернула вокруг оси.

На ногах я удержался, зато Пробка сел на задницу. Парень смотрел на меня шальными от боли глазами. Из носа у него

хлестала кровь, но он этого как будто и не замечал.

– Еще хочешь? – спросил я, надвигаясь на него.

Пробка даже не пытался подняться. Поэтому я знал, какой будет ответ. Так оно и вышло. Он мотнул головой, отклевываясь от реванша.

– Мыло подними!

Пробка кивнул, стал шарить рукой по грязному полу. Кто-то подтолкнул к нему ногой обмылок. Он поднял его, протянул мне.

– В задницу себе засунь, – сказал я, поворачиваясь к нему спиной.

После обеда камеру выдернули на прогулку. С собой я взял заточку, рассчитывая на то, что обыскивать нас будут без особого пристрастия. Так и вышло. Заточка моя осталась под стелькой кроссовка.

По коридору нас вели колонной, но у двери, ведущей на свежий воздух, образовалась толпа. Я догадывался, что в тюремном дворике на меня мог напасть тот же Пробка, но удар в спину последовал в тот момент, когда нас еще только выводили на прогулку. Что-то кольнуло в спину над почкой, тонко, не очень больно, но глубоко.

Я резко развернулся и увидел Розочку. Он смотрел на меня с легким раздражением человека, которому я мешал пройти, не более того. За его спиной маячил Пробка и с постылым видом смотрел куда-то в сторону. Шницель тоже как

будто ничего не видел.

Розочка притворялся. Меня ударил он или Пробка. Кто-то из них двоих. Но в любом случае кашу заварил Розочка.

Боль стремительно нарастала, ноги немели, левую руку потянуло вниз. Все же я нашел в себе силы продолжить путь, стремительным рывком перебросил тело из коридора в прогулочный дворик, резко сдал в сторону, остановился, быстро снял кроссовок, вынул из него заточку.

Розочка все понял, закрылся Пробкой и стал торопливо уходить от меня. Но Пробка умирать ради своего дружка не хотел. Он знал, что я мог пырнуть его заточкой сей же миг, нисколечко не задумываясь. Его напугали мои бешеные глаза, и он быстро сдал в сторону.

Розочку остановили пацаны, развернули лицом ко мне. В руке у него появилось шило, то самое, которым он меня и проткнул.

Драку заметил контролер, кому-то что-то крикнул и рванул ко мне, снимая с пояса дубинку.

– Стой, Сермягов! – донеслось до меня.

Но только смерть могла меня остановить. Она уже стояла за спиной, однако не удерживала, а даже напротив, подталкивала. И еще я имел время для удара.

Розочка готовился защищаться, шилом выписывал волны перед собой. Однажды он сказал, что розочка – это не только цветок, но и горлышко бутылки с режущими краями. Разве я не мог его назвать в честь такой смертоносной штуковины?

Сейчас у него появился шанс доказать, что так оно и было.

За мной бежал контролер. Мне некогда было маневрировать, уходить от ударов. Пришла пора бросаться грудью на амбразуру, и я решился на это. С одного удара Розочка меня не убьет, а если вдруг, то смерть – это не страшно.

Перед моими глазами вдруг мелькнул тот самый домик, который находился у меня за спиной, пока я сидел на камне и смотрел на океан вечности. Так я и не заглянул в него, потому как умер не совсем. А если вдруг, то в этом доме меня ждет вкусный стол, мягкая кровать. Нет, умереть не страшно.

Шило вонзилось мне в живот, в то самое место, где уже побывал нож от замороженного Жарика. А я ударил Розочку в шею.

Кровь снова брызнула мне в глаза. Сначала свет затмило красное, а затем – что-то черное. Я не видел ничего, только чувствовал, как кто-то схватил меня за шиворот и оттащил от Розочки. А удар по голове и вовсе отключил мое сознание.

Снаряд два раза в одну воронку не падает. Так это или нет, не знаю, но одну селезенку два раза точно удалить нельзя. Не было у меня органа, который повредил бы удар спереди. А вот почку я мог потерять, если бы Розочка не промахнулся совсем чуть-чуть.

Я тоже промазал. Войди заточка в шею чуть повыше, и никакие доктора не спасли бы Розочку. А так он выжил. В городскую больницу его доставили в куда более тяжелом со-

стоянии, нежели меня. Я уже выписался, а он все еще оставался там.

Суд учел все, выписал мне и за Жарика, и за Розочку. За все про все я получил шесть лет общего режима. Адвокат заявил, что это блестящая победа.

Отец ему, правда, не поверил, но меня призвал к спокойствию. На последнем свидании перед этапом он сказал мне, что я не должен падать духом.

Воспитательная колония для несовершеннолетних – испытание не для слабонервных. Беспредел там – такое же естественное явление, как молоко на губах младенца. Все на чувствах, на эмоциях.

Так оно в общем-то и оказалось. При входе в камеру пазаны попытались устроить мне прописку, но вопрос тут же отпал, когда я назвал свое имя. Все уже знали, что с Леней Писарем связываться себе дороже. Если я не побоялся лечь животом на шило, то и дальше готов биться до конца.

С этой же репутацией я заехал в зону. Поэтому особых проблем у меня там не возникло.

Я повернут был на своем честном имени, но блатная романтика меня трогала мало. В число отрицательно настроенных элементов я попадать не желал, старался избегать всяческих конфликтов как с администрацией, так и со своими новыми товарищами. Вопрос о сотрудничестве я закрыл раз и навсегда, о кружках художественной самодеятельности и

слышать не хотел, зато проявил интерес к учебе.

Воспитательная колония давала мне возможность окончить школу. Было бы глупо этим не воспользоваться. Я вел себя ровно, не высовывался, за отличными оценками не гнался, но к восемнадцати годам смог получить аттестат о полном среднем образовании.

С этой путевкой в жизнь я и отправился в обычную исправительно-трудовую колонию, где не было ни облегченных, ни льготных режимов.

Осложнения начались уже на карантине. Я запросто мог убить человека, но моя звериная сущность никак не отражалась на внешности. Я был молод, только-только начал бриться и очень походил на мать, которая в молодости считалась красивой женщиной.

С первого же дня покровительство надо мной объявил амбал с мокрыми губами и липкими руками. Этот Расмус, как он себя называл, был таким же новичком на зоне, как и я, но внушительная внешность и солидный возраст возвышали этого субъекта в собственных глазах. Еще он кичился татуировками, которые украшали его тело. Если эти наколки и представляли собой хоть какую-то ценность, то только художественную. К арестантским регалиям они не имели никакого отношения.

Впрочем, статус Расмуса меня интересовал меньше всего. Будь он даже вором в законе, все равно я должен был избавиться от его нездорового внимания.

Ночью Расмус подсел ко мне на койку и вкрадчиво спросил:

– Поиграем?

– Поиграем! – выкрикнул я и резко поднялся.

Я не смог сохранить заточку, ее отобрали у меня еще на этапе. Но уже здесь, на карантине, мне удалось найти и вытащить из стены гвоздь сантиметров семи-восьми.

Его-то я и вогнал себе в грудь чуть ли не по самую шляпку. Вернее сказать, по рукоять, которую я смастерил из сломанной ветки. У Расмуса отвисла челюсть, когда он это увидел.

Я спокойно вытащил гвоздь из груди, протянул ему и заявил:

– Теперь твоя очередь!

Кровь хлестала из раны, но это не мешало мне улыбаться так, как будто я вешал ему на плечи погоны из шестерок.

– Эй, ты чего? – пробормотал Расмус.

– Да это не трудно, нужно только знать, куда бить. Ты в курсе?

Я действительно знал, как всадить в себя нож, не проткнув легкое и не задев крупные кровеносные сосуды, но ошибка не исключалась. Я очень рисковал, но должен был как-то нагнать страху на этого непрошеного благодетеля.

Расмус анатомию своего тела знал плохо. Но я преподавал своему обожателю урок, всадил ему в грудь свой гвоздь и тут же вытащил его.

– Урод! – взревел Расмус и отскочил от меня, как от про-

каженного.

Но я не дрогнул, не попятился в ожидании ответного хода, смотрел на него с насмешкой камикадзе, отправляющегося в свой последний полет. Расмус замахнулся, но мой негнущийся взгляд заставил его задуматься. Еще больше он боялся заточки, сжатой в моей руке. Я ведь мог ударить и в живот, и ниже, прямо в грязные намерения.

– Продолжим? – спросил я и повернул заточку жалом к себе.

Если бы Расмус не дрогнул, я снова ударил бы себя.

Но амбал не выдержал, сдал назад. Он приложил руку к ране, отдернул ее, глянул на окровавленные пальцы. Лицо его капризно скрутилось.

– Псих!

– Продолжим? – настаивал я, шагнул вперед, направил острие на Расмуса.

– Да иди ты! – выдал он и исчез.

Поле битвы осталось за мной.

Утром братва навела обо мне справки, сопоставила истории с Жариком и Розочкой с моей новой выходкой. Люди сделали правильный вывод, оставили меня в покое.

Глава 4

Дом изменился. Отец нанял людей, которые обложили силикатным кирпичом не самые ровные стены из саманных блоков, поставили новый забор, облагородили двор. Они разбили там клумбы, все остальное застелили плиткой. Все это охранял грозный сторожевой пес, сидящий на цепи. Но теперь в доме уже никто не жил.

– Если хочешь, можешь здесь остаться, если нет, то давай к нам, – сказал Санька и похлопал меня по плечу.

Я благодарно глянул на брата. Я очень устал от вечного скопления людей, глупых разговоров и дурных запахов. Возможность хоть какое-то время пожить в одиночестве не могла не тронуть меня.

– Только учти, девок сюда водить нельзя, – сказал Санька и улыбнулся. – Отец убьет, если узнает.

– И правильно сделает, – заявил я, вспомнив почему-то Клаву.

Переспать с девочкой, какой она была шесть лет назад – это одно, а трахнуть в своем доме такую шлюху, какой была Дуська, это совсем другое. В одном случае чистота, в другом грязь. Ни с одной из них у меня ничего не было, но если уж выбирать, то Дуську. С ней все будет просто и ясно.

– Но лучше живи с нами, – сказал Санька. – Дом у нас большой, мама уже комнату для тебя приготовила.

Семья хорошо поднялась за последнее время. Отец вложился в рынок у вокзала, получил солидную долю в нем, открыл собственный вещевой павильон. Там у него и продавцы, и товар, в основном фальсификат.

Санька не мог рассказать мне обо всем. Главный разговор будет с отцом, совсем уже скоро.

Да, он не прогадал, дела его резко пошли в гору. Отец и с долгами разобрался, и дом новый построил на всю семью. Новоселье справили совсем недавно, старый дом еще не выглядел заброшенным.

Здесь был сделан ремонт, обновлена мебель. Но все равно я уловил запах чего-то теплого, родного, вспомнил, как сидел тут впритирку с Клавой и учил уроки. Но еще более приятное волнение охватило меня, когда я подумал о Дуське.

Я не был влюблен в эту шлюху, но меня возбуждали даже мысли о ней. Она снилась мне по ночам.

– Ну что, поехали? – Санька потянул меня к своему внедорожнику «БМВ».

Он один ездил меня встречать, забрал от контрольно-пропускного пункта. Полдня мы провели в пути, к вечеру прикатили в город, по дороге к новому дому заскочили в старый. Санька сильно устал, торопился бросить якорь, и я его понимал.

Валерка встретить меня у зоны не мог. Совсем недавно ему вырезали аппендицит и только-только выписали из больницы. Ко мне он выходил с таким видом, как будто потерял

как минимум половину желудка. Добродушная улыбка с трудом прорезалась сквозь страдальческое выражение лица.

– Здорово, братан!

Халат на нем шелковый с золотом, лицо холеное, взгляд сытый, лишний жирок на боках. Жесткие лагерные ветры обошли его стороной. Он не знал, каково это, выживать в неволе, но посматривал на меня свысока, как бывалый моряк на неопытного салагу. Ну да, он же так много сделал для семьи, на его счету столько заслуг. Куда уж мне.

Я смотрел на Валеру и понимал, почему Жарик мог выйти сухим из воды. Помогая отцу, Валера куда больше думал о себе, чем о чести семьи. Санька и Виталик тоже рвались в сытую жизнь и вовсе не хотели примерять на себя лагерную робу. Вот и придумали они, что я сам должен отомстить за себя. И жил бы себе спокойно Жарик, если бы не попался мне под руку.

– Ленечка, сыночек! – Мама спешила ко мне, на ходу вытирая слезы.

Она почти не постарела за шесть лет, даже стала посвежее. Наверное, потому, что больше не одевалась во всякое старье. Прическа у нее, платье под цвет глаз, жемчуг в ушах и на шее. Тушь на ресницах мокнет, но выражение лица все такое же приятное. Радость не яркая, хотя на все двести процентов искренняя.

Я обнял маму, подставил грудь под ее слезы. Ощущение было такое, как будто я обнимал свое детство. Оно плакало

от того, что было у меня так рано отнято.

Да, детство ушло, юность тоже. Отчий дом теперь переехал в особняк. Два этажа на высоком цоколе, мансарда, во дворе газоны и фонтан, за домом бассейн и баня весьма солидной величины.

Она уже была натоплена. Я предвкушал, как напарюсь и с головой брошусь в холодную воду бассейна, но подъехал отец, а вместе с ним Виталик.

Этот мой братец тоже располнел, но вместе с тем еще больше стал похож на отца, перенял даже его неспешную походку вразвалку. Не зря отец доверял ему, как самому себе, и прочил его на свое место.

Отец заметно сдал, постарел. Морщин у него стало больше, щеки обвисли. В росте он немного просел, двигался тяжело, устало. Но взгляд был все тот же, сильный и цепкий.

Отец шел ко мне, стараясь держать лицо. Но губы его расплывались сами по себе, взгляд слабел, теплел, на нижних ресницах заблестели слезы.

– Ну, здравствуй, сынок! – Он сжал мою ладонь до хруста в суставах, с силой рванул, обнял, прижал к себе. – Рад тебя видеть.

Я почему-то вспомнил, как он рассказывал мне о вещах, которые нельзя прощать, натравливал меня на Жарика. Не исключено, что отец осознал свою вину передо мной. Отсюда и этот горячий порыв, с которым он принимал меня в круг семьи.

Виталик улыбался, глядя на меня. Он рад был нашей встрече и к отцовскому чувству относился спокойно. Я же не какой-то черт с бугра, чтобы ревновать меня к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.